

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1900.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1901.

Прежде всего ему представляется необъяснимым безъ привлеченія сторонняго матеріала, почему пропущено дѣйство при счетѣ стадій жизни? Объясняется это несомнѣнно тѣмъ, что мы имѣемъ дѣло въ grhyasūtra съ «дважды рожденными», жизнь которыхъ, какъ таковыхъ, только и начинается съ посвященія — оно и составляетъ ихъ настоящее вступленіе въ жизнь. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не зачѣмъ было обращаться за сравненіями въ столь далекую область, какъ Австралія; при этомъ, врядъ ли также правильно сравнивать совершенно разныя культурныя ступени: urapaуana имѣеть мѣсто въ средѣ съ развитой культурой и связана съ духовной стороною жизни, и, прежде чѣмъ сравнивать его съ обрядами, связанными съ достиженіемъ зрѣлости, нужно было бы сперва доказать, что въ этомъ обрядѣ сохранились какія нибудь указанія на другое, не духовно-учебное его значеніе. Приведенныя Д. Н. Кудрявскимъ параллели (стр. 14—15) врядъ ли всѣ относятся къ одному и тому-же явленію.

Говоря о двухъ послѣднихъ стадіяхъ жизни дважды рожденнаго, авторъ упускаетъ изъ виду, что непремѣннаго обязательства пройти всѣ стадіи не было, что допустимо нпр. и пребываніе даже въ первой стадіи. Эпическая литература дала бы ему богатый матеріалъ для провѣрки данныхъ grhyasūtra.

Сдѣлаемъ также одно чисто внѣшнее замѣчаніе—слѣдовало бы бросить старое и невѣрное «индусъ» (изъ множественнаго Hindoos или Hindous), вмѣсто него по русски говорится «индіецъ», отличное отъ «индѣецъ».

Интересная брошюра Д. Н. Кудрявскаго позволяетъ намъ ожидать другихъ его работъ съ тѣмъ-же сравнительно этнографическимъ характеромъ, и мы пожелаемъ, чтобы поскорѣе вышли его очерки по grhyasūtra, изъ которыхъ одинъ «О приѣмѣ почетнаго гостя» былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С. О.

279. Профессоръ Богословія прот. Т. Буткевичъ. Какъ и зачѣмъ Европейцы «дѣлають буддизмъ?» (Вѣра и Разумъ 1898, № 21. Отд. философскій, стр. 341—368).

280. Н. Герасимовъ. Путь къ истинѣ (Dhammapada). Изреченія буддійской мудрости. Переводъ и предисловіе. М. 1898. 100 стр. in 8°.

281. Н. И. Герасимовъ. Сутта-Нипата, сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга, переведенная съ пали на англійскій языкъ Др. Фаусбеллемъ. Русскій переводъ. — Спб. 1899. Стр. XXXII + 155 + III in 8°. Ц. 1 р. 25 (Восточная Библіотека. Томъ I).

282. Н. И. Герасимовъ. Буддiйскiя Сутты. Въ переводѣ съ пали проф. Рисъ-Дэвидса, съ примѣчанiями и вступительной статьей. Русскiй переводъ и предисловіе. М. 1900. 203 стр. in 8°. Ц. 1 р. 25 к. (Вост. Библ. Томъ II).

Буддизмъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и неспеціалистовъ, интересующихся этико-философскими вопросами. Если спеціалисты и могутъ сохранять научную объективность при изученіи, то часто неспеціалисты, увлекаясь тѣми жгучими и близкими сердцу человѣка вопросами, которыхъ, какъ и всякая другая религія, касается буддизмъ, теряютъ необходимую объективность и дѣлаютъ изъ буддизма одинъ предметъ восторженнаго поклоненiя, другіе глубокаго презрѣнiя и грубаго поношенiя. Тѣмъ прiятнѣе бываетъ встрѣчаться съ работами, хотя и не принадлежащими перу спеціалиста, но носящими на себѣ печать вниманiя и добросовѣстности. Число спеціалистовъ по буддизму въ Россіи такъ не велико, что они лишь въ самой малой мѣрѣ имѣютъ возможность удовлетворять потребности въ общедоступныхъ работахъ относительно этой любопытнѣйшей мировой религіи; они почти не могутъ давать переводовъ большихъ текстовъ, которые требуютъ значительныхъ затратъ во времени и трудѣ, потому что сдѣлать хорошій и точный переводъ задача весьма сложная. Мы привѣтствуемъ поэтому съ живѣйшей радостью переводы Н. И. Герасимова, хотя это только переводы съ переводовъ, которые тѣмъ самымъ лишены, конечно, въ нѣкоторой мѣрѣ точности по отношенію къ оригиналамъ.

Но прежде чѣмъ говорить о нихъ мы считаемъ своимъ долгомъ нѣсколько подробнѣе остановиться на работѣ совершенно другого характера, статьѣ автора, принадлежащаго къ университетской корпораціи и въ силу своихъ занятій стоящаго близко къ изученію исторiи религiй, т. е. автора, котораго мы, собственно говоря, не имѣли бы право, вполнѣ считать неспеціалистомъ.

Статья проф. Буткевича распадается на двѣ части: въ одной онъ рѣзко полемизируетъ съ книгою Каруса «Евангеліе Будды» (P. Carus. The Gospel of Buddha according to old Records), въ другой бѣгло касается литературы о буддизмѣ и весьма рѣшительно осуждаетъ ее, какъ тенденціозную и ничего не дающую для прочнаго выясненiя вопроса о томъ, въ чемъ, по ученію буддизма, истинный смыслъ жизни. Исключеніе дѣлается лишь для сочиненiя А. Гусева (Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству. С.-Петербургъ 1874), и какъ-то неопредѣленно говорится о какихъ-то трудахъ по буддизму «представляющихъ, къ сожалѣнію, только научно-историческій или филологическій интересъ

(sic) (стр. 348). Мимходомъ достается сильно самому буддизму, при чемъ авторъ однако къ концу статьи находить возможнымъ смягчить свой суровой приговоръ признаніемъ въ буддизмѣ и хорошаго, «что выработано разумомъ значительной части человѣчества въ теченіи не одного тысячелѣтія» (стр. 365).

Прежде всего мы обратимся къ той части статьи проф. Буткевича, которая касается книги Каруса; здѣсь мы сразу наталкиваемся на весьма странное недоразумѣіе: проф. Буткевичъ говоритъ, что желаетъ «показать, какъ, собственно говоря, современные намъ европейскіе ученые «дѣлаютъ буддизмъ» (стр. 349); для этого онъ беретъ книгу Каруса, разбираетъ ее и приходитъ къ выводу, что она «не можетъ имѣть совершенно никакого научнаго значенія при изученіи буддійскаго міровоззрѣнія» (стр. 364). Что-же говорить самъ Карусъ о своей книгѣ въ предисловіи, отчасти переведенномъ проф. Буткевичемъ на стр. 350 его статьи? Карусъ прямо говоритъ, что «онъ вовсе не преслѣдовалъ здѣсь цѣли — представить ученый трудъ»; книга его «написана для того, чтобы побудить читателя поразмыслить надъ религіозными вопросами нашего времени (тамъ-же). Послѣ этихъ двухъ выписокъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для достиженія намѣченной проф. Буткевичемъ цѣли, онъ совершенно напрасно обратился къ книгѣ Каруса: можетъ ли имѣть значеніе критика какой либо книги, приписывающая автору намѣренія, отъ которыхъ тотъ опредѣленно отрекся въ самой книгѣ?

Не можемъ не прибавить нѣсколько словъ относительно тѣхъ пріемовъ, которыми ведется безцѣльная полемика проф. Буткевича противъ книги Каруса. На стр. 353, говоря о 76 главѣ «Евангелія Будды» «Дѣвица у колодца», которую Карусъ сближаетъ съ бесѣдою Иисуса Христа съ самарянкою, профессоръ Буткевичъ выражается такъ:

«Предупреждаемъ читателя однако-же, что Карусъ, увѣряющій читателя, будто бы его «Евангеліе Будды» рассказано по древнимъ источникамъ», въ дѣйствительности заимствовалъ свое повѣствованіе о дѣвицѣ у колодца вовсе не изъ какого либо, хотя бы то даже, буддійскаго писанія или преданія, а изъ явно тенденціозной и враждебной христіанству книги Бюрнуфа *Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien*, Paris, 1844, стр. 205.

Въ интересахъ проф. Буткевича мы бы желали предположить, что книга Бюрнуфа осталась ему недоступной, потому что иначе мы даже затруднимся понять характеръ его замѣчанія. Дѣло обстоитъ такъ: превосходная книга покойнаго Бюрнуфа, образецъ научной работы, безукоризненно объективная, разумеется, не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго

христианству, а есть просто обзоръ непальскихъ санскритскихъ текстовъ; это сочиненіе извѣстно *всякому*, что сколько нибудь *серьезно* и *научно* интересовался буддизмомъ. Въ немъ есть не мало переводовъ и пересказовъ буддійскихъ текстовъ, и однимъ изъ подобныхъ мѣстъ и воспользо-вался Карусъ.

Другой образецъ совершенно подобнаго же приѣма проф. Буткевича, какъ по отношенію къ книгѣ Бюрнуфа, мы находимъ на стр. 555:

«Снова предупреждаемъ читателя, что Карусъ заимствовалъ этотъ разсказъ не изъ древняго буддійскаго «канона», какъ увѣряетъ онъ насъ въ «предисловіи» къ своей книги, а изъ небольшой французской книжонки М. Гримблo Sept Suttas Pâlis, Paris, 1876, сутта IV, при томъ въ значительно сокращенномъ и измѣненномъ видѣ».

Въ данномъ случаѣ дѣло обстоитъ такъ: проф. Буткевичу осталась непонятною ссылка Каруса въ его таблицѣ. S. D. P. IV. Онъ счелъ ее, очевидно, за опечатку вмѣсто S. S. P. (такъ Карусъ обозначается Sept Suttas Pâlis), и поторопился счесть ее за «французскую книжонку». Между тѣмъ S. D. P. ссылка на совершенно другое сочиненіе: Sad-Dharma-Piṇḍarika «Лотосъ Благого Закона», переведенный Бюрнуфомъ по французски и Керномъ по англійски; здѣсь дѣйствительно въ IV-й главѣ находится притча о блудномъ сынѣ. «Книжонка» же г. Гримблo (тоже покойника) — томъ въ 350 страницъ, состоящій изъ палийскихъ *каноническихъ* текстовъ и французскихъ и англійскихъ переводовъ этихъ текстовъ.

Послѣ только-что сказаннаго, излишне, кажется, будетъ говорить еще о критикѣ книги Каруса, тѣмъ болѣе, что сама книга Каруса въ научномъ отношеніи никакого интереса не представляетъ и, по мысли автора, не должна даже представлять. Мы можемъ поэтому обратиться теперь къ другой части статьи проф. Буткевича, гдѣ онъ заявляетъ, что западно-европейская литература, имѣющая своимъ предметомъ изученіе буддійскаго міровоззрѣнія, тенденціозна. Тенденціозенъ и проф. Ольденбергъ, «но», прибавляетъ проф. Буткевичъ, «во всякомъ случаѣ Ольденбергъ — повторяемъ — наиболѣе добросовѣстный изслѣдователь буддизма; одругихъ же и говорить нечего» (sic) (стр. 365). Выше проф. Буткевичъ (стр. 345—348) даетъ совершенно безпорядочный и случайный по составу списокъ сочиненій по буддизму, къ тому-же полный ошибокъ. Относительно всѣхъ этихъ книгъ и вообще литературы по буддизму проф. Буткевичъ выражается такъ:

«Мы положительно затрудняемся указать, за исключеніемъ серьезнаго труда А. Гусева, хотя на одну книгу, въ которой бы можно было найти точный и ясный, а главное—объективно-безпристрастный

отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ: въ чемъ, по учению буддизма, состоятъ истинный смыслъ жизни или — что то же — какъ отвѣчаетъ буддизмъ на вопросъ о господствующемъ въ мірѣ злѣ, его сущности и источникѣ, изъ котораго оно происходитъ. Многія изданія предлагаютъ только переводъ того или другого буддійскаго памятника; но и эти переводные труды не у всѣхъ писателей безупречны; другія преслѣдуютъ дѣйствительно научныя цѣли, но, къ сожалѣнію, они представляютъ только научно-историческій или филологическій интересъ». (стр. 348).

Какъ проф. Буткевичъ можетъ знать, безупречны ли переводы буддійскихъ текстовъ или нѣтъ, и что онъ понимаетъ надъ словами «только научно-историческій интересъ», мы отказываемся понять.

И такъ проф. Буткевичъ бросилъ обвиненіе на всѣхъ изслѣдователей буддизма, кромѣ г. А. Гусева и отчасти проф. Ольденберга, тяжелое для человѣка науки обвиненіе въ тенденціозности, т. е. ненаучности, потому что работа, въ которой авторомъ руководить тенденція, не можетъ дать надлежащаго освѣщенія фактовъ, другими словами не можетъ быть научной. Огульное осужденіе профессора Буткевича включаетъ рядъ громкихъ, почтенныхъ именъ ученыхъ, изъ которыхъ многихъ уже нѣтъ въ живыхъ — какія же научныя права въ дѣлѣ изученія буддизма даютъ основаніе профессору Буткевичу для подобнаго отзыва? Намъ не извѣстна *ни одинъ научный* трудъ профессора Буткевича въ области изученія буддизма или индійскихъ религій, а разбираемая нами статья его съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ, что первоисточниками въ данной области онъ пользоваться самостоятельно не можетъ, такъ какъ нужные для этого восточные языки ему, очевидно, не доступны. Мы потому упомянули здѣсь о первоисточникахъ, что находимъ совершенно необходимымъ, чтобы человѣкъ, критикующій переводъ специалистовъ и осуждающій людей, работающихъ по первоисточникамъ, былъ самъ въ состояніи ими пользоваться. Но мы должны сейчасъ же прибавить, что тотъ способъ, которымъ какъ было указано выше, профессоръ Буткевичъ *пользуется* Бюрнуфомъ и Гримбю, и совершенно случайно набранная имъ библіографія, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и съ пособіями по буддизму профессоръ Буткевичъ знакомъ въ весьма малой мѣрѣ.

Осужденія добросовѣстныхъ ученыхъ, работавшихъ надъ изученіемъ одной изъ мировыхъ религій, которой руководствовались въ жизни сотни милліоновъ людей, было мало для профессора Буткевича — онъ счелъ нужнымъ осудить и самую эту религію и высказать о ней рядъ невѣрныхъ, пренебрежительно-отрицательныхъ сужденій.

Онъ говоритъ (стр. 344), что буддизмъ съ обрядовой стороны есть грубѣйшее идолопоклонство. Всякій, кто знакомъ съ исторіей развитія буддизма, конечно знаетъ насколько подобное обвиненіе невѣрно. Древне-буддійскій культъ даже не знаетъ изображеній учителя, а лишь символы его: колесо закона, священное древо и т. п. Если ламаизмъ подъ вліяніемъ другихъ культовъ ввелъ у себя многочисленныя изображенія буддъ, бодисатвъ, гениевъ и т. д., и въ отдѣльных мѣстахъ и до его появленія, еще въ самой Индіи, было обиліе статуй и другихъ священныхъ изображеній, то самый культъ буддійскій, тамъ гдѣ онъ сохранялся въ первоначальной чистотѣ, былъ чрезвычайно простъ: передъ ликами учителя и его учениковъ, а также и другихъ буддъ, на человѣческомъ характерѣ которыхъ буддизмъ уже потому долженъ былъ настаивать, что человѣкъ для него былъ выше боговъ, возжигались свѣтильники, курились благовонныя куренія, разставлялись цвѣты. Праздники буддійскіе — воспоминанія о какихъ нибудь событіяхъ жизни учителя или знаменательные въ жизни общины дни — выделялись обиліемъ свѣтильниковъ, цвѣтовъ, куреній. Какіе-же культы извѣстны намъ безъ священныхъ изображеній, почитанія ихъ, праздниковъ? И почему именно буддизмъ, признающій все это, долженъ оттого считаться грубѣйшимъ идолопоклонствомъ? Развѣ профессоръ Буткевичъ можетъ доказать, что буддисты въ *изображеніяхъ* своего «Учителя» и своихъ святыхъ видѣли *боговъ*, которымъ они поклонялись? Говоря далѣе о буддизмѣ, профессоръ Буткевичъ пишетъ:

«Нужно ли еще разъ доказывать, что буддизмъ, какъ пантеистическое міровоззрѣніе беспомощенъ разъяснить смыслъ міровой жизни и разрѣшить вопросъ о злѣ, его сущности и происхожденіи? Нельзя-ли думать, что о буддизмѣ, какъ философскомъ міровоззрѣніи, уже сказано послѣднее и рѣшительное слово его безпристрастною и авторитетною критикою?» (стр. 344).

Чрезвычайно страннымъ, конечно, представляется здѣсь опредѣленіе буддизма, не признающаго бога, какъ «пантеистическое міровоззрѣніе»; вѣроятно впрочемъ это просто опечатка. Затѣмъ, не менѣе страннымъ представляется мнѣніе автора о томъ, что о буддизмѣ, какъ философскомъ міровоззрѣніи, сказано съ компетентной стороны послѣднее слово, такъ какъ единственнымъ признаваемымъ авторитетомъ является у него г. А. Гусевъ, который, насколько можно судить по его книгѣ, не специалистъ по буддизму и врядъ ли самъ согласится признать свое произведеніе за окончательно рѣшающее вопросъ о буддизмѣ, «какъ философскомъ міровоззрѣніи». Послѣднее слово въ этомъ отношеніи, если мы вѣрно понимаемъ

профессора Буткевича (стр. 368), то, что буддизм относится поверхностно къ рѣшенію весьма важнаго вопроса о смыслѣ міровой жизни.

Такимъ образомъ, по взгляду профессора Буткевича, выходитъ, что буддизмъ къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о смыслѣ міровой жизни отнесся поверхностно, а въ культѣ своемъ представляетъ грубѣйшее идолопоклонство, и потому европейскіе мыслители «сочиняютъ буддизмъ» и исправляютъ его.

Возражать на такія произведенія, какъ статья проф. Буткевича, конечно нечего, но указывать на нихъ въ интересахъ университетской науки необходимо: ошибаться можетъ всякій, написать плохую работу можетъ и хорошій ученый, но тенденціозно искажать чужія мнѣнія, огульно осуждать добросовѣстныхъ научныхъ дѣятелей, этого не можетъ и не долженъ дѣлать ученый, представитель университетской науки. Потому мы и сочли нужнымъ указать на страницахъ научнаго журнала на работу проф. Буткевича и выражаемъ здѣсь же пожеланіе, чтобы подобнаго рода статьи никогда не выходили изъ подъ пера русскихъ профессоровъ.

Серію своихъ переводовъ буддійскихъ священныхъ книгъ г. Герасимовъ началъ съ Dhammapada; выборъ этотъ нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ, потому что Dhammapada, въ рядѣ прекрасныхъ изреченій, касается весьма многихъ существенныхъ вопросовъ буддизма и принадлежитъ несомнѣнно къ числу очень распространенныхъ и довольно древнихъ сочиненій. Мы не сомнѣемъ только согласимся съ даннымъ имъ Dhammapada названіемъ — «Путь къ истинѣ». Заглавіе «Dhammapada» заключаетъ въ себѣ несомнѣнно нѣкоторую игру словъ, которая по русски можетъ быть передана очень точно «Стопы Закона» или «Стопы Ученія».

Переводъ Dhammapada, какъ и вообще переводы г. Герасимова, свидѣтельствуетъ о большой чуткости и проникновеніи духомъ памятниковъ, что особенно конечно трудно, когда приходится судить не по подлинникамъ. Нѣсколько замѣченныхъ нами неловкостей нисколько не уменьшаютъ общаго достоинства перевода. Напр. стр. 57 слл. слово архатъ — святой, передано словомъ «достопочтенный», которое по русски имѣетъ совершенно другое значеніе. Стр. 95 слл. лучше бы говорить брахманъ, чѣмъ непривычное для русскаго уха «брахмана». Стр. 71 «... пытается неизмѣннымъ блаженствомъ, почерпая въ истинѣ» (?). Стр. 89 «выющихся деревьевъ» (?). «Сутта-Нипāта» и «Буддійскія сутты» — выборъ тоже очень удачный, причемъ можно отмѣтить шагъ впередъ въ «Суттахъ» въ томъ отношеніи, что собственныя имена, искаженные довольно значительно въ «Сутта-Нипāтѣ», благодаря недоразумѣніямъ въ транскрипціи, въ «Суттахъ», уже пишутся правильно. Желательны бы только указатели и подробныя оглавленія, ко-

которые бы очень облегчали пользование книгами, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлали бы ихъ доступнѣе обыкновенному читателю.

Въ предисловіи къ переводу «Сутта-Нипата» перечисленъ рядъ предложенныхъ къ переводу сочиненій и выборъ ихъ намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Переводъ Ригъ-Веды Ланглюа совершенно устарѣлъ, Виная-Питака для читателя не специалиста представляетъ мало интереса, для Упанишадъ слѣдуетъ лучше взять переводы Дейссена. Хорошо было бы взять новый томъ переводовъ буддійскихъ суттъ Рис-Дэвидса ¹⁾.

Чтобы показать насколько близко переводы г. Герасимова передаютъ духъ и даже часто букву подлинника мы помѣщаемъ рядомъ его переводъ и нашъ переводъ съ палийскаго подлинника одной изъ суттъ «Сутта-Нипаты».

Sutta Nipāta III, viii.

Переводъ Н. И. Герасимова.

«Непонятна, неизвѣдана жизнь смертныхъ въ этомъ мірѣ, сумрачная и краткая, проникнутая страданіемъ.

Нѣтъ средствъ, которыми родившіеся могли бы избѣгнуть смерти; приходитъ старость—близка и смерть: такова участь всего живущаго.

Какъ спѣлые плоды висятъ на вѣтвяхъ, готовые каждую минуту сорваться, такъ и смертные, едва родившись, находятся въ постоянной опасности смерти.

Глиняный сосудъ, сдѣланный горшечникомъ, рано или поздно непременно разобьется,—такова же судьба всѣхъ смертныхъ.

И юные, и старые, и мудрые, и неразумные,—всѣ подчинены силѣ смерти,—надо всѣмъ людямъ она царить безраздѣльно!...

Переводъ съ подлинника. С. О.

«Безпріятна, невѣдома здѣсь жизнь людей, несчастна и кратка, да и то со скорбью связана.

Нѣтъ того средства, пользуясь которымъ рожденные бы не умрели; даже хоть старости достигнешь, все же наступитъ смерть, такова природа живыхъ существъ.

Какъ утромъ уже боятся, что плоды упадутъ, когда они спѣлы, такъ, какъ только родятся люди, они боятся всегда смерти.

Какъ глиняные сосуды, которые сдѣлалъ горшечникъ, всѣ, наконецъ, разбиваются, такъ разбивается и жизнь людей.

И малые, и большіе, и тѣ, кто неразумны, и тѣ, кто мудры—всѣ попадаютъ во власть смерти, всѣ подвластны смерти.

¹⁾ T. W. Rhys-Davids. Dialogues of the Buddha. L. 1899 (Sacred Books of the Buddhists II).

Ни отецъ, ни сынъ, ни родные, ни близкіе не спасутъ того, кого поразила смерть, кто вступаетъ въ иной міръ.

Замѣть! — близкіе смотрятъ и скорбятъ безутѣшно, а смерть одного за другимъ уводитъ отсюда людей, какъ быковъ уводятъ на бойню! . . .

Увы, со смертию и разрушеніемъ связанъ этотъ міръ, — и мудрые, познавшіе начало этого міра, не горюютъ о томъ.

Тщетно скорбишь за того, чьихъ путей ты не знаешь: и когда онъ приходитъ, и когда уходитъ, — не вѣдая концовъ этого пути. . .

Еслибы тотъ, кто печалится, выигрывалъ оттого, тогда пусть бы и мудрый поступилъ такъ, — но нѣтъ, скорбящій только самъ мучить себя.

Ни въ слезахъ, ни въ скорби никто не обрѣтетъ успокоенія, нѣтъ, отъ печали только все возрастаютъ страданія и слабѣетъ тѣло.

Онъ все блѣднѣетъ и худѣетъ, а умершіе — увь! — не возвращаются, и его скорбь не спасаетъ ихъ! . . .

Кто не разстается со своею скорбью, все глубже и глубже тотъ погружается въ страданіе, сѣтуя о мертвыхъ, онъ подпадаетъ сягъ тоски.

Смотри на отшедшихъ, какъ на идущихъ въ то мѣсто, которое они заслужили своими дѣлами; всегда здѣсь робѣли они передъ смертію, и вотъ всѣ же взяты ею теперь.

Чѣмъ разнообразнѣ мнѣнія людей о будущемъ, тѣмъ сильнѣе разро-

Изъ тѣхъ, кто уничтоженъ смертію, кто уходитъ въ иной міръ — ни сынъ не спасется отцомъ, ни родственники родственниками.

На глазахъ у родственниковъ, горько плачущихъ, взгляни, каждый изъ людей уводится, какъ быкъ на закланіе.

Такъ мучится міръ смертію и старостью, оттого мудрецы не печалятся, зная ходъ міра.

Чьего пути ты не знаешь, проходящаго и уходящаго, и не видишь обонхъ концовъ его, напрасно о томъ ты сокрушаешься.

Еслибы, сокрушаясь и въ безумствѣ поражая себя, можно было извлечь какую нибудь пользу, то мудрецъ поступалъ бы такъ.

Вѣдъ плачемъ и скорбью не достигнешъ спокойствія душевнаго, больше еще только становятся печаль и страдаетъ тѣло.

Худымъ и блѣднымъ становится тотъ, кто поражаетъ себя самого собою; не оберегаетъ онъ мертвыхъ; напрасенъ плачь.

Человѣкъ, печаль не оставляющій, еще больше страдаетъ: кто оплакиваетъ умершаго, нападаетъ во власть горя.

Взгляни, какъ другіе люди уходятъ, перерождаясь сообразно дѣламъ своимъ. Дрожать здѣсь на землѣ люди, понавъ во власть смерти.

Думаютъ одно, а происходитъ другое, такова разнища между мыслью и

станутся несогласія, тѣмъ горше обманутое ожиданіе, — замѣть: такова судьба міра.

Если бы даже и сотни лѣтъ прожилъ человѣкъ, и даже болѣе, — все же въ концѣ концовъ онъ покинетъ близкихъ и оставитъ жизнь въ мірѣ.

Поймите же я, внимая словамъ святого, оставьте свои печали, видя умершаго, пусть всякій подумаетъ только: «я ужъ нигдѣ болѣе не найду его».

Загорѣвшійся домъ заливается водою, вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ клочекъ хлопка, — пусть такъ и мудрый отгоняетъ свою возникающую печаль размышленіемъ.

Кто ищетъ неизмѣнной радости, тотъ вырветъ ту стрѣлу изъ своей раны: эту скорбь, эти вопли, эти сѣтованія.

Извлеки ту стрѣлу, независимый, ничѣмъ не связанный, обрѣтетъ онъ міръ своему духу; кто превозможетъ печаль, тотъ въ конецъ угаситъ ее, тотъ успокоится въ блаженствѣ.

Пожелаемъ г. Герасимову полного успѣха въ его прекрасномъ дѣлѣ; существованіе такихъ серьезныхъ работниковъ, какъ г. Герасимовъ, которые съ добросовѣстностью и любовью относятся къ своей работѣ, является лучшимъ отвѣтомъ на глумленія г.г. Буткевичей и наглядно показываетъ, какъ справедливы слова великаго буддійскаго царя Ашоки, произнесенныя имъ сличшимъ двадцать вѣковъ тому назадъ:

«Всякая чужая вѣра должна быть уважаема... и тотъ, кто чтитъ свою вѣру и порицаетъ чужую изъ преданности своей вѣрѣ, думая: «я возвеличиваю этимъ свою вѣру», тотъ сильно вредитъ своей вѣрѣ» (XII Указъ).

исполненіемъ. Вглядывайся въ ходъ міра.

Еслибъ человѣкъ жилъ сто лѣтъ и болѣе, все же бы онъ разлучился съ родными и покинулъ бы здѣсь свою жизнь.

Поэтому, послушавъ святыхъ, оставь плачь, думая, когда ты увидишь покойника: «не будетъ онъ вновь моимъ».

Какъ горящій домъ тушатъ водою, такъ человѣкъ стойкій, разумный, мудрый пусть быстро разгонитъ тоску, какъ вѣтеръ раскидываетъ хлопокъ.

Пусть тотъ, кто ищетъ себѣ счастья, вырветъ стрѣлу изъ души — плачь и стenanія и мученія самого себя.

Вырвавъ стрѣлу, спокойный, человѣкъ достигъ мира душевнаго; преодолѣвъ горести, станетъ онъ безпечаленъ, спокоенъ.

Сергій Ольденбургъ.